

«Она — не террористка, она — заблудившийся человек»

История одиночества Евгении Майборода, пенсионерки, которую отправили в тюрьму за «фейки»

Евгения Майборода. Фото из личного архива

15:54, 23 апреля 2024,

Татьяна Васильчук

спецкор

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Скоро ей исполнится 73 года. Худенькая, всегда с ровной осанкой, в элегантных платьях, перешитых под себя. Какие-то у нее остались еще с зарубежных поездок. В молодости с мужем по профсоюзным путевкам она объездила с десяток стран – Кубу, Чехию, Болгарию... Гуляла даже по Нью-Йорку. Ни тогда, ни сейчас она не вышла бы из дома, не подведя черным карандашом глаза и не накрасив малиновой помадой тонкие губы.

В последние годы Евгения Николаевна жила одна, с кошкой Азой. Такой же строгой аккуратистской. В старой пятиэтажке в тихом поселке Майский на окраине города Шахты. Больше двадцати лет назад любимый сын Сережа разбился в автокатастрофе. От горя она сходила с ума. Спустя несколько лет не стало мужа. Одиночество сжирало. Сначала понемногу вытаскивала церковь. Потом морально помогли соцсети.

Из-за своей активности в соцсетях Евгения Николаевна и пострадала.

29 января Шахтинский районный суд приговорил Евгению Майборода к пяти с половиной годам колонии за «фейки» о российской армии. Она не ждала такого приговора – дома осталась немытая сковородка и голодная Аза. На словах о сроке женщина схватилась за сердце.

«Новая» рассказывает историю Евгении Николаевны Майборода, которая осталась одинокой, отчаянно искала и наконец нашла подтверждение своей нужности.

Ростов – Шахты

«Маршрутка на Мариуполь отправляется через десять минут!

Через десять минут — Мариуполь! Девушки, бы-стре-е», — худощавый мужик в черной кожаной куртке и черной беретке снует между людьми на главном ростовском автовокзале, зазывая дам с набитыми клетчатými сумками. Они только что купили билеты, сами ищут этого мужика из маршрутки, наконец-то находят и несутся за ним. Военные с высокими рюкзаками, на всю спину, присаживаются на корточки у колонны. Закуривают, пьют чай из картонных стаканчиков. Обсуждают следующий отпуск.

Я знаю адрес Евгении Николаевны Майбороды от ее адвоката Ивана Бондаренко. Ищу маршрутку до Шахт. Оттуда — мне на автобус до Майского.

Рядом с мариупольской маршруткой — аншлаг. Здесь же очереди на рейсы до Донецка, Алчевска, Луганска. Маршрутки до городов Ростовской области — не на столь видном месте. Автовокзал нужно обогнуть. Нас, до Шахт, всего пять человек. Рядышком — длинная очередь в вокзальный туалет. За столиком залиvisto хохочет «билетерша». Болтает по телефону. Выуживает пальцем из коробочки рубли на сдачу.

Реплики «билетерши», которые слышит вся очередь в туалет, кажется, ни для кого не звучат абсурдно: «Нет, я тебе сейчас другое расскажу... Сейчас расскажу, ты меня слышишь? Мой Гриша мне фото из окопа прислал, да вот, я тебе по вотсапу скину». Кажется, я одна поворачиваю в ее сторону голову. Никто не обращает внимания.

Мы едем часа полтора, под песни Газманова. «Офицеры, офицеры!..» — стонет он. И следом уже ликует: «А я ясные дни оставляю себе! А я хмурые дни возвращаю судьбе!» Чем дальше от Ростова — тем чаще навстречу билборды с приглашением на СВО. Тем чаще свалки вдоль дороги — горы мусора, без контейнеров.

Центр города Шахты. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

В Шахтаx чуть свернешь в какой-нибудь двор — холм из бутылок, шин, матрасов, протухшей еды и возмущенных черных ворон, пытающихся отыскать что-то съестное. Начинает припекать солнце — усиливается вонь. В мусоре роется палевый пес. Находит упаковку из-под чего-то куриного — внутри в соке еще плавают несколько кусочков мяса. Начинает жевать пленку с картонкой. В городе — десятки бездомных собак.

И чем дальше от центра Шахт — тем больше кинутых псов, свалок. Тем ближе Майский.

«Соседка террористки»

Пятиэтажка Евгении Николаевны стоит на Депутатской улице. Рядом — футбольная коробка. Мальчишки гоняют мяч. Под

окнами со стороны двора — скромный палисадник из грядочек с будущими овощами.

Вход в подъезд в соседней пятиэтажке, укрытие. Посёлок Майский. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

Окна Евгении Николаевны на втором этаже. Свет в них почти не включался после 29 января, когда Шахтинский районный суд осудил пенсионерку на пять с половиной лет колонии. Утром, когда Евгения Николаевна собиралась на суд, чтобы выслушать свой приговор, она не успела навести порядок на кухне. Оставила все так, чтобы через пару часов вернуться и вымыть сковородку, чашку. Была уверена, что вернется. На столе остались маленькие яблочки. За пару дней они сгнили.

Соцработница, которая иногда приходила проведать ее, передала ключи от квартиры родственнице Евгении Николаевне Наташе. Мы говорим с Наташей по телефону [ее имя изменено, она просит об этом, поскольку работает в

бюджетной организации]. Именно Наташа забрала из квартиры голодную пушистую красавицу Азу на третий день после суда. Пока ее не было — Аза в недоумении бродила по подоконнику. Соседки видели ее в окне.

Вероятно, именно этих соседок я встречаю около подъезда Евгении Николаевны: три женщины жгут сухие ветки, срезанные с деревьев. Коммунальщики обрезали десятки лип по поселку, но срезанные сучья оставили. «Вот дымовуху развели, лучше б пусть лежало», — ругается проходящая мимо девушка, которая ведет за руку малыша. Одна из соседок, жгущих костер, — низенькая бабулечка, в лиловом пуховичке и в очках, старается примять ветки. Она широко улыбается, как только видит меня. Я спрашиваю ее, какой подъезд у Евгении Николаевны — она показывает в сторону первого, охотно кивает и снимает перчатки, чтобы подойти поговорить: «Да-да, знаю ее, мы почти сорок лет в этом доме живем». Тут упоминаю про скорую апелляцию, и ее лицо в ту же секунду меняется.

«Апелляция у нее должна быть? Какая апелляция? Какая апелляция? Нет, какая апелляция, вы мне скажите? Она Родину продала! Я даже про нее разговаривать не хочу. Мой внук на фронте воюет. А она чего вытворяла?

Еще я за нее буду что-то говорить... Тем более какая ей апелляция — такой теракт случился, а она же была пособницей этому!» Тут на свою соседку с удивлением смотрит даже ее подруга: «Крокус?» Та кивает — и обе замолкают, кажется, понимая, что на эмоциях было произнесено что-то не то.

Свалка в поселке Майский. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

Тремя этажами выше Евгении Николаевны живет ее подруга Тамара Михайловна, ее мне подскажет родственница Наташа.

— Конечно, по поселку сразу разнесли, разболтали, — говорит мне она. — Вот я иду, кто-то машет мне, привет-привет, вроде все нормально, а другой рядом машет: «О, соседка террористки, привет!»

Да не террористка она. Она — заблудившийся человек. Просто заблудившаяся овца! Влезла куда-то, и понесло ее....

В ее жизни было слишком много трагедий

Понемногу из разговоров с Наташей и Татьяной Михайловной, из маленьких реплик соседей я выстраиваю историю жизни Евгении Николаевны, в которой так много трагедии, что даже приговор не кажется самым страшным эпизодом.

Евгения Николаевна родилась в 1951 году в поселке Каменоломни — он в десяти километрах от Майского. Там жили ее родители, бабушка, дедушка, вся большая семья. После школы поступила в горный техникум, где познакомилась с будущим мужем. Николай работал на шахте «Майская» подземным электрослесарем в бригаде Михаила Чиха, дважды Героя Социалистического Труда. Про Чиха в Майском готовы рассказывать все — особенно про рекорды добычи угля, которые ставила шахта, а именно бригада Чиха, в Советском Союзе.

«Николай — в этом деле был лучший, он у Жени был богатырь», — вспоминает в разговоре со мной Наташа.

Сама Евгения была оператором на электроподстанции, которая относилась к шахте. У нее больше сорока лет стажа. Ветеран труда. Николаю как работнику шахты дали в Майском квартиру. Они переехали туда маленькой семьей. У пары на тот момент уже был сын Сережа.

Евгения Майборода. Фото из личного архива

Высокий брюнет. Любимый сын. «Красавец, ну, вот такой парень!» — вспоминает соседка Тамара Михайловна. Кандидат в мастера спорта по плаванию. Работал в банке в Ростове. В 1997 году в конце августа вместе с друзьями он поехал купаться на Черное море. Ребята уже возвращались домой, когда произошла авария. Водитель уснул, машина врезалась в дерево. Все пассажиры остались живы, но получили травмы. Все, кроме Сережи. Он погиб на месте. Это был День шахтера — 31 августа. Когда-то — главный праздник в семье Майбород. В этот день они всегда накрывали стол и звали коллег из бригады, друзей, хохотали, запевали песни под гитару. Но после 31 августа 1997 года больше никогда этого не делали.

Сережа был смыслом жизни Евгении Николаевны. Любимая работа было необходимостью, занимала время. А Сережа был всем.

— В их доме больше никогда не звучала музыка, никогда. Не говорили громко, все изменилось, — вспоминает Наташа. — Прошло уже столько лет. Но больше никогда.

Тамара Михайловна вспоминает день похорон в поселке:

— Столько одноклассников приехало, вся отцова бригада, все «чиховцы». Полпоселка людей, если не больше. Врач от Жени не отходила во время похорон, колола ей уколы. Ну, такой красавец мальчишка был...

Что-то у нее потом с головой случилось.

Сказать, что у нее крыша полностью поехала — нельзя, нормальная же баба. Но ее скосило. Она сама себе руки резала, шрамы остались.

Прожигала себя бычками, на коже ожоги.

«Мы с Женей расстались сразу после школы, у каждой своя судьба, семья, — рассказывает мне Галина Михайловна, подруга детства Евгении Николаевны, с ней меня тоже связала родственница Майборода Наташа, — Я вышла замуж, уехала в Магадан, потом снова вышла замуж и уехала в Москву, я все время была далеко от нее. Но я не могла не приехать, когда умер Сережа. Мы встретились с ней, я ей подарила небольшую книжечку с молитвами. Я — хоровик, тогда пела в храме. Мне кажется, Женечке это помогло. Она стала ходить в храм, пекла там просфоры, рассказывала про батюшку Сергия, хорошего, душевного».

Чтобы убить время, которое не давало выбраться из горя, Евгения Николаевна с мужем купили небольшой участок. Поставили там летний домик. Разбили сад. Засадили его фруктовыми деревьями и виноградом, а между виноградом

рядками посадили морковку, свеколку, огурчики. Наташа говорит: «Не участок — произведение искусств, как все у нее. Да еще Коля, ее любимый, рукастый».

Посёлок Майский. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

Но через несколько лет — снова похороны. Николай умер. В поселке говорят, что у него было заболевание легких, как у каждого шахтера. Однако умер Николай вовсе не из-за этого заболевания, а от гепатита С, который, как считают родственники, ему занесли в стоматологии. «Он тогда за месяц сторел», — вспоминает Наташа.

«Я его как-то видела, он по ступенькам поднимался, говорю: «Ой, Коля, что с тобой?» Он еле шел, запыхался, за перила держался. Очень тяжело ему было, — говорит Тамара Михайловна. — Через два дня он умер. Еще один удар для Жени».

Тамара Михайловна говорит со мной час, вспоминает молодость, прошлую жизнь. И вдруг задумывается:

— Одиночества никому не пожелаешь. Мне кажется, она замкнулась в себе. Я сама сына похоронила. Рома мой. 21 год его нет. Несчастный случай: отравление неизвестным веществом. Я через полгода узнала, что это было отравление — из Ростова прислали справку. Он тоже на шахте работал, как и мой муж. Родители, муж и сын — у меня все на кладбище. Так осталась я одна.

После смерти сына я думала, что не выживу. У меня тоже были мысли уйти из жизни. Но я как-то у нас здесь на улице старушку встретила... Она говорит мне: «Деточка, ты пока жива — сыночек твой жив». Я на нее глаза вылупила. «Ты живая, ты ходишь на кладбище. А если не станет тебя — никто на его могилку не будет ходить». Это меня остановило. Думаю: а ведь правда, у меня там родители, муж, сын — кто к ним придет? Как зима заканчивается, я до поздней осени к ним хожу: пропальваю, посижу с ними. Собачку себе взяла, подобрала с улицы. Она — моя отдушина. Я с ней разговариваю. Хоть поговорить есть с кем.

Евгения Николаевна тоже завела себе «отдушину». Кошечку. Нашла ее на помойке, еще худым подростком. Назвала Азой. Аза сразу же забыла свое прошлое и под стать новой хозяйке стала аристократкой, говорит Тамара Михайловна.

Наташа, у которой кошка живет теперь, говорит, что у Азы был такой же порядок, как у Евгении Николаевны: «Малюсенькие мисочки под мяско, под водичку, под молочко. А как все у Жени? Женя живет одна. Как она моет посуду? Сначала грязную вытирает салфеткой с обеих сторон, затем наливает горячую воду. Моет в этой горячей воде. Все — на салфетку. Потом ошпаривает кипятком, потом дает высохнуть. Потом тщательно начинает натирать. Я ей говорю: господи Иисусе, зачем, скажи

мне, просто объясни, столько лишних манипуляций, зачем? Я боялась в ее доме пачкать посуду. А шифоньер ее — мама родная... Открываешь: все выложено по цветовой гамме, от светлого к темному, все по размерам. Как вообще можно жить в таком порядке? Она даже прежде чем мусор вынести, выберет, как у нее будут волосы уложены, в чем она на улицу выйдет».

Наташа задумывается и тихим, почти умоляющим голосом вдруг меня спрашивает:

— Как ей помочь? Она же не выдержит там. Она — насквозь больной человек. Она сейчас показывает свою силу духа, но я знаю, что она может сломаться душевно. Если она душевно сломается — полетит все. Я как глянула на эту фотографию из суда: господи, как она не умерла там?

Ей пишут в интернете: «фу, какая женщина». Ребята, милые, вы поймите, что человек запутался, просто запутался от одиночества. Мы каждый день с ней созванивались, обсуждали какие-то рецепты. Но этого недостаточно человеку. Она потеряла семью.

Посёлок Майский. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

«Жень, тебе это интересно. А мне — нет. У меня есть телевизор»

Несколько лет подряд Евгения Николаевна активно вела свою страницу во «ВКонтакте». Публиковала стихи, православные картинки, открытки, делала репост антивоенных высказываний известных людей к себе на страницу.

Если пролистать ее страничку на несколько лет назад, то, среди прочего, на ней можно найти картинку, посвященную погибшему главе ДНР Александру Захарченко — «Вечная память герою Новороссии».

Картинки с Владимиром Путиным: «Самый лучший президент», «Крым вернул, армию поднял, Россию возродил», «Мы за Россию, мы за Путина».

Адвокат Евгении Николаевны Иван Бондаренко предполагает, что «переломным» моментом для ее политического мировоззрения стала пенсионная реформа. Наверное, начало СВО тоже что-то добавило: у Майборода родные в Украине, Евгения Николаевна много раз там бывала.

Однако настоящие проблемы у пенсионерки начались только в 2023-м.

В январе 2023 года ее оштрафовали на 40 тысяч рублей по статье о «дискредитации армии» — за репост во «ВКонтакте». Галина Михайловна рассказала мне, что она, как и другие близкие, помогла Евгении Николаевне деньгами: «Она зачем-то мне их потом вернула, хотя я не давала в долг, давала просто так, но где-то она их нашла и сказала, что не может не вернуть».

В феврале к Евгении Николаевне уже пришли с обыском. Было заведено уголовное дело по статье о «распространении фейков об армии РФ».

Тепловые трассы, посёлок Майский. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

Обыск не мог пройти незаметно для жителей старой пятиэтажки в поселке.

— Мы обычно с собакой моей гуляем в четыре, — вспоминает Тамара Михайловна. — Я вышла, смотрю: мужчины зашли, четверо. Одеты в гражданское. Вернулась, спрашиваю у соседки: «Что такое-то?» Она мне говорит: «Тут к Женьке с обыском. В интернете там что-то лишнее про Путина, что ли, сказала...» Она, видать, увлеклась так этим делом... Говорила мне: «Там интересные бывают анекдоты». Я говорю: «Жень, ну вот тебе это интересно. А мне — нет. У меня есть телевизор». Меня учить некому, я своей головой не дойду до этого всего. Хотя я в девяностом году от шахты училась на машиниста, электросхемы подъемных машин разбирала. А элементарный телефон не понимаю. У меня паника была, когда пропала моя музыка на входящий звонок, бегу к соседке: «Оля, верни мне

мою «Ты знаешь, так хочется жить» новогоднюю». Лично у меня никакого интереса к тому, что в интернете происходит, нет. Но бог знает, кто из нас прав...

В марте Евгению Николаевну признали также виновной и по административной статье о «публичной демонстрации нацистской символики, символики экстремистских организаций». Ей назначили трое суток ареста. В это время она уже находилась под уголовным преследованием.

Родственники долго не могли узнать, где именно она сидит. Я спрашиваю у Наташи, как Евгения Николаевна чувствовала себя. Наташа глубоко вздыхает. Молчит. Вспоминает:

«Мы ее искали по всем изоляторам в Шахтах. Еле нашли. Я говорю им [сотрудникам]: «Скажите, я могу ее хотя бы одним глазком увидеть?» Нам в ответ: «Милые родственники, угомоните вашу бабушку. Ну, пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы человек просто жил спокойно, радовался каждый день солнцу, свету и птицам». Ну, характер такой, ну что мы можем сделать? Человек всю жизнь принимал решения самостоятельно. Властный человек.

Я тогда ждала ее в комнатке на встречу. Ее вытащили из темноты за шиворот пальто, подтолкнули ко мне. Сама она у меня размера 48-го, а на ней пальто — 60-го размера. Я знаю это пальто, ей ее подруга Галина Михайловна подарила. Она в нем как передвижная палатка. В какой-то замученной шапке, не знаю, где она ее взяла. Я минуты две стояла молча.

Она в этом пальто жила там. Поела, закутывалась в него с головой — и внутри так лежала целый день. Сходит в туалет, намочит тряпочку, себя оботрет и в это пальто

закутается. Она в нем — как в защите сидела, пряталась».

После этой «административки» в уголовном деле появилась вторая статья — «призывы к осуществлению экстремистской деятельности» [ч. 2 ст. 280 УК]. Начался суд. Евгения Николаевна вину признала. Тогда ее еще защищал адвокат по назначению. Защитник Иван Бондаренко вошел в дело позже. Пенсионерка объясняла суду: в ее постах не было «политической ненависти». Она опубликовала те посты на эмоциях после публикаций о Днепре, у нее там есть двоюродный брат, и он пострадал (*сами публикации не были посвящены произошедшему в Днепре, сейчас эти посты удалены. — Ред.*).

Донос на Евгению Николаевну написала неизвестная женщина, живущая под Москвой. Вероятно, серийная доносица. Почти сразу же Майборода внесли в реестр «террористов и экстремистов» Росфинмониторинга. Ее банковские карточки заблокировали. С тех пор она даже не могла снять пенсию без специально составленного заявления.

В поселке Майский у магазина. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

«Хоронить ребенка. Такое время, значит, настало»

Мы с Тамарой Михайловной еще говорим о жизни в поселке: какой она была, какой стала. Она несколько раз повторяет, что «нет такого, чем она недовольна», но есть вещи, «на которые некому пожаловаться»:

— Мы пережили безденежье. Карточную систему. Было такое, что шесть-восемь месяцев не выдавали зарплату на шахте. Дадут каких-то двадцать процентов за прошлый месяц — и как хочешь, так и живи. По карточке выдавали колбаску. И все равно: хоть было трудно, а холодильники у людей были полные. В девяностые годы касками стучали, в Москву ездили, бастовали. Никто же не выступал «против» — просто шахтеры требовали за свой труд.

Поселок жил, пока шахта работала. В 2002 году шахта закрылась — все стало умирать. Остались одни воспоминания.

Шахта работала — хоть можно было кому-то пожаловаться. Ну хоть кому-нибудь. Был совет поселка, председатель. Теперь у нас как таковой управы нет, обижаемся на ЖКХ. Трубы забитые, вонища уже который месяц из подвала, дышим этой гадостью. Жалуемся: «ну почистите». То машин нет, то людей нет. Школьный двор больше месяца был захламлен палками, деревьями срубленными. Было голосование 17-го числа (*выборы президента*. — Ред.) — они пригнали машину, убрали. Спасибо. Целый месяц лежало это все.

Тамара Михайловна еще долго сокрушается, как все изменилось... и что поселок умирает:

«Вот у нас в подъезде. Первый этаж — две одинокие женщины. Второй — семья без мужчины. Третий — Оля и мама ее. В другой квартире — все умерли. Четвертый этаж — дети, внуки. У нас мужиков, считай, нет. Все одинокие остались и неполные семьи».

Я спрашиваю, чем занимаются в поселке молодые люди (хотя я их почти там не встречала).

— Не знаю, чем они тут занимаются, — отмахивается Тамара Михайловна. — Привозят «двухсотых»... Я по похоронам не хожу. Родители несут этот удар до конца дней. Хоронить ребенка... Такое время, значит, настало. Что сделаешь?

Газель с табличкой «Груз 200» я вижу в Шахтах дважды.

На обратном пути в Ростов заезжаю на городское кладбище Шахт. Вижу «дозахоронения» к родственникам. Рядом с могилами — флаги. Обращаю внимание на одну могилу. Хлопонин Юрий Иванович. Умер в 72 года в 2021 году. По

правую сторону от его могилы — крест: Хлопонин Алексей Юрьевич. Вероятно, его старший сын. Погиб в 50 лет, в декабре 2022 года. На могиле — фотография мужчины в военной форме. По левую сторону от отца — другой крест: Хлопонин Антон Юрьевич. Ему было 35 лет, он погиб за месяц до старшего брата. Всю обратную дорогу я думаю об их матери.

Городское кладбище, Шахты. Фото: Татьяна Васильчук / «Новая газета»

Никаких иллюзий

«Она не верила, что ее посадят, — говорит Иван Бондаренко. — Когда приговор услышала, кровь пошла из носа, давление... Ей там сочувствуют, в СИЗО.

Я приехал ее проведать, она говорит: приходил начальник, спросил: «Что я могу для вас сделать». Попросила посадить ее с приличным человеком, чтобы она в компании приличных людей находилась. Их вдвоем посадили с какой-то женщиной-предпринимательницей. Она — с высшим образованием, у нее грамотная речь. Она — не сумасшедшая. Просто одинокая. И это одиночество — длиной 15 лет. Эта «шизофрения» от соцсетей как определенная форма зависимости. В ее голове все было так: «да как же, я же всю Украину объездила, у меня родственники из Украины, и я сейчас ничего не напишу?»

За несколько дней до апелляции Иван Бондаренко рассказал мне: «Сейчас разговаривал с Евгенией Николаевной. Она мне позвонила из СИЗО. Ей прислали мешок писем. У нее энергии столько, сколько двадцать лет назад не было. Она перестала носить очки и пить лекарства. Это по ее словам. Никаких иллюзий [по поводу апелляции] у нее нет. Но она знает, что не одна. Она с этим долго жила. Забыла, как это быть важной и нужной».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Этап. Выпуск 6-й](#)

Продолжаем публиковать имена политзэков, которые оказались в заключении за свои антивоенные убеждения и высказывания

09:58, 19 апреля 2024, Андрей Карев